

БИБЛИОТЕКА
РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Л. Н. АНДРЕЕВ

«ИСКУССТВО»

Леонид Николаевич Андреев

Анатэма

Серия «Пьесы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148193

Леонид Андреев. Пьесы: Искусство; М.; 1989

ISBN 5-210-00396-5, 5-210-00397-3

Аннотация

Премьера пьесы состоялась на сцене Московского Художественного театра 2 октября 1909 г. Режиссеры – Вл. И. Немирович-Данченко и В. В. Лужский. В роли Анатэмы – В. И. Качалов.

Постановка запрещена лично П. А. Столыпиным специальным циркуляром от 9 января 1910 г.

Содержание

Лица, участвующие в представлении	4
Первая картина	6
Вторая картина	16
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Леонид Андреев

Анатэма

**Трагическое представление
в семи картинах**

**Лица, участвующие
в представлении**

Некто, ограждающий входы.

Анатэма.

Давид Лейзер.

Сура, его жена.

Наум и Роза, их дети.

торговцы:

Иван Бескрайний

Сонка Цитрон

Пурикес

Учитель танцев.

Молодой господин.

Бледный господин.

бедняки:

Шарманщик

Странник

Абрам Хессин

Плачущая женщина

Женщина с ребенком

Пьяный

Девочка от Сонки

Дейбке

Музыканты, слепые и народ.

Первая картина

Сцена представляет собою пустынную, дикую местность, как бы склон некоей горы, поднимающейся в беспредельную высь. В глубине сцены, на половине горы, стоят огромные, железные, наглухо закрытые врата, знаменующие собою предел умопостигаемого мира. За железными вратами, угнетающими землю своею неимоверной тяжестью, в безмолвии и тайне, обитает начало всякого бытия, Великий Разум вселенной.

У подножия врат, тяжко оперишись на длинный меч, в полной неподвижности стоит Некто, ограждающий входы. Облаченный в широкие одежды, в неподвижности складок и изломов своих подобные камню, он скрывает лицо свое под темным покрывалом и сам являет собою величайшую тайну. Единый мыслимый, един он предстоит земле; стоящий на грани двух миров, он двойственен своим составом: по виду человек, по сущности он дух. Посредник двух миров, он словно щит огромный, собирающий все стрелы, – все взоры, все мольбы, все чаяния, укоры и хулы. Носитель двух начал, он облекает речь свою в безмолвие, подобное безмолвию самих железных врат, и в человеческое слово.

Среди камней, озираясь пугливо и дико, показывается Анатэма – так именуется Некто, преданный закланию. Припадая к серым камням, сам серый, осторожный и гиб-

кий, как змея, отыскивающая нору, он тихо крадется к Некому, ограждающему входы, мечтая поразить его ударом неожиданным. Но сам пугается дерзости своей и, вскочив на ноги, смеется вызывающе и злобно. Затем присаживается на камне, с видом свободным и независимым, и бросает маленькие камешки к ногам Некогого, ограждающего входы, – хитрый, он скрывает свой страх под личиной насмешки и легкой дерзости. При слабом свете, сером и бесцветном, голова преданного закланию кажется огромной: особенно велик его высокий куполообразный лоб, изрезанный морщинами бесплодных дум и неразрешимых, извека поставленных вопросов. Реденькая бородка Анатэмы совершенно седа; побелены сединою и его волосы, некогда черные как смола, теперь же серыми, дикими лохмами вздымающиеся на голове его. Беспокойный в движениях, он тщетно пытается скрыть вечно пожирающую его тревогу и торопливость, лишнюю цели. И, соревнуя бессильно-гордой неподвижности Некогого, ограждающего входы, он затихает на мгновение в позе гордого величия, но уже в следующую минуту, в мучительной погоне за вечно ускользающим, он мечется в безмолвных корчах, как червь под пятою. И в вопросах своих он быстр и яростен, как вихрь, черпающий силу и ярость в круговращении своем; но, увлекая малые предметы, он распадается бессильно перед лицом молчания.

Анатэма. Ты все еще здесь на страже? А я думал, что ты

ушел, – ведь и у цепной собаки есть минуты, когда она отдыхает или спит, хотя бы конурую служил ей целый мир, а господином – вечность! И разве боится воров вечность? Но не гневайся; как добрый друг пришел я к тебе и молю покорно: открой на мгновение тяжелые ворота и дай заглянуть мне в вечность. Ты не смеешь? Но, быть может, разошлись от старости могучие ворота, и в узенькую щель, никого не тревожа, сможет заглянуть несчастный, честный Анатэма – укажи ее знаком. Тихонько, на брюхе, я подползу, взгляну – и уползу обратно, и он не будет знать. А я буду знать и стану богом, стану богом, стану богом! Так давно уже мне хочется стать богом – и разве плохой бы я был бог? Смотри. *(Становится в надменную позу, но тотчас же хохочет. Затем спокойно, поджав ноги, у саживается на плоском камне и бросает игральные кости. Бормочет как бы про себя, но настолько громко, чтобы его слышал Некто, ограждающий входы.)* Не хочешь – не надо – драться я не стану. Разве я за этим пришел сюда? Просто я гулял по миру и совершенно случайно забрел сюда, – мне нечего делать, и я гуляю. А вот теперь я сыграю в кости, – мне нечего делать, и я сыграю в кости. Будь бы не так важен он, я пригласил бы и его, – но он слишком горд, слишком горд и не понимает удовольствия игры.

Шесть, восемь, двадцать – верно. У дьявола всегда верно, даже когда он играет честно... Давид Лейзер... Давид Лейзер... *(Обращаясь к Некому, ограждающему входы, развязно.)* Ты не знаешь ли Давида Лейзера? Вероятно, нет. Это

старый, больной и глупый еврей, которого никто не знает, и даже твой господин забыл о нем. Так говорит Давид Лейзер, и я не могу ему не верить: он глупый, но честный человек. Это его я выиграл сейчас в кости – ты видел: шесть, восемь, двадцать. Однажды на берегу моря я встретил Давида Лейзера, когда он допрашивал волны, о чем жалуются они; и он мне понравился. Глупый, но честный человек, и если его хорошенько просмолить и зажечь, то выйдет недурной факел для моего праздника. *(Болтая с притворной развязностью, тихонько перебирается на ближайший к Некому камень.)* Никто не знает Давида Лейзера, а я сделаю его славным, я сделаю его могущественным и великим – очень возможно, что даже бессмертным я сделаю его. Ты не веришь? Никто не верит мудрому Анатэме, даже говорящему правду, – а кто же любит правду больше, нежели Анатэма? Не ты ли? Молчаливый пес, грабитель, укравший истину у мира, железом заградивший входы! *(Яростно бросается на Некогого, ограждающего входы, и с визгом ужаса и боли отступает перед грозной неподвижностью его. И поет жалобно, припадая серой грудью к серому камню.)* Ах, у дьявола седые волосы! Плачьте, возлюбившие Анатэму, стенайте и горюйте, стремящиеся к истине, почитающие ум, – у Анатэмы седые волосы! Кто поможет сыну хари, – он одинок во вселенной. Зачем, великий, ты напугал так бесстрашного Анатэму – он не хотел тебя ударить, он только приблизиться хотел. Можно подойти к тебе, скажи? *(Некто, ограждающий входы, молчит, но Анатэме*

слышится что-то в его молчании. Вытянув змеиную шею, он кричит страстно.) Громче, громче! Молчишь ты или говоришь, я не понимаю? У преданного заклетию тонкий слух, и в твоём молчании он улавливает тени каких-то слов; смутное движение мыслей он чувствует в неподвижности твоей – но он не понимает. Говоришь ты или молчишь? Сказал ли ты: «подойди», или мне только послышалось это?

Некто, ограждающий входы. Подойди.

Анатэма. Ты сказал. Но я не смею подойти.

Некто. Подойди.

Анатэма. Я боюсь! *(Нерешительно, зигзагообразными движениями подбирается к Некому, ложится на брюхо и ползет, стена от тоски и страха.)* Ах, я князь тьмы, я мудрый, я сильный, и видишь, я ползу на брюхе, как собака. И это потому, что я люблю тебя и край твоих одежд поцеловать хочу. Но отчего же так болит мое старое сердце, скажи, всезнающий.

Некто, ограждающий входы. У преданного заклетию нет сердца.

Анатэма *(подвигаясь)*. Да, да, у преданного заклетию нет сердца, его грудь нема и неподвижна, как серый камень, который не дышит. О, будь у Анатэмы сердце, ты давно убил бы его страданиями, как убиваешь глупого человека. Но у Анатэмы есть ум, ищущий правды, ничем не защищенный от твоих ударов, пощади его... Вот я у ног твоих, открой мне твое лицо. Только на мгновение, короткое, как блеск

молний, открой мне лицо твое. *(Раболепно жметя у ног Некого, ограждающего входы, не смея, однако, коснуться его одежд. Тщетно старается опустить глаза, бегающие быстро, заглядывающие, острые, сверкающие, как угли под серым пеплом. Некто молчит, и Анатэма продолжает свои бесплодные и настойчивые мольбы.)* Не хочешь? Тогда назови мне имя того, кто за воротами. Тихим голосом назови его, и никто не услышит, и только я буду знать, мудрый Анатэма, тоскующий об истине. Не правда ли, что из семи букв состоит оно? Или из шести? Или из одной? Скажи. Только одна буква – и ты спасешь преданного заклятию от вечных мук, и тебя благословит земля, которую раздираю я когтями. Зачем кричать? Ты скажешь тихо, тихо, только вздохнешь ты, и я уже пойму и благословлю тебя... Скажи.

(Некто молчит, и Анатэма после некоторого колебания, полного ярости, медленно отползает, с каждым шагом становясь все смелее.) Это неправда, что я люблю тебя... Это неправда, что я хотел поцеловать край твоих одежд...

Мне жаль тебя, если ты поверил: мне просто нечего делать, и я гуляю по миру... Мне нечего делать, и я расспрашиваю встречаемых о том о сем, о чем я знаю сам... Я знаю все! *(Встает, встряхивается, как собака, вылезшая из воды, и, выбрав камень повыше, становится на него в надменно-актерской позе.)* Я знаю все. Мудрый, я проник в смысл всех вещей, мне ведомы законы чисел, и книга судеб открыта мне. Единым взором я объеблю жизнь, я ось в кругу времен,

вращающемся быстро. Я велик, я могуч, я бессмертен, и во власть мне отдан человек. Кто посмеет бороться с дьяволом? Сильных я убиваю, слабых я заставляю кружиться в пьяном танце – в безумном танце – в дьявольском танце! Я отравил все источники жизни, на всех ее путях устроил я засады, – разве не доходит до тебя голос проклинающих? – изнемогающих под бременем зла? – дерзающих бесплодно? – тоскующих бесконечно и страшно?

Некто, ограждающий входы. Я слышу.

Анатэма (*хохочет*). Имя! Назови имя! Освети путь дьяволу и человеку.

Все в мире хочет добра – и не знает, где найти его, все в мире хочет жизни – и встречает только смерть. Имя! Назови имя добра, назови имя вечной жизни! Я жду.

Некто, ограждающий входы. Нет имени у того, о чем ты спрашиваешь, Анатэма. Нет числа, которым можно исчислить, нет меры, которою можно измерить, нет весов, которыми можно взвесить то, о чем ты спрашиваешь, Анатэма. Всякий, сказавший слово: любовь, – солгал. Всякий, сказавший слово: разум, – солгал. И даже тот, кто произнес имя: бог, – солгал ложью последней и страшной. Ибо нет числа – нет меры – нет весов – нет имени у того, о чем ты спрашиваешь, Анатэма.

Анатэма. Куда мне идти? Скажи.

Некто. Куда идешь.

Анатэма. Что мне делать? Скажи.

Некто. Что делаешь.

Анатэма. Безмолвием ты говоришь – пойму ли я язык безмолвия твоего?

Скажи.

Некто. Никогда. Мое лицо открыто-но ты его не видишь. Моя речь громка – но ты ее не слышишь. Мои веления ясны – но ты их не знаешь, Анатэма. И не увидишь никогда – и не услышишь никогда – и не узнаешь никогда, Анатэма – несчастный дух, бессмертный в числах, вечно живой в мере и весах, но еще не родившийся для жизни.

Анатэма (*терзаясь*). Никогда?

Некто. Никогда.

Анатэма соскакивает с камня и мечется безумно, пожираемый тоскою.

Припадая к камням, он обнимает их нежно и отталкивает с гневом; стенает горько. Обращает лицо свое к западу и востоку, северу и югу земли, потрясает руками, как бы призывая ее к гневу и мести. Но безмолвны серые камни, молчит запад и восток, молчит юг и север земли, и в грозной неподвижности, тяжко опершись на меч, стоит **Некто, ограждающий входы.**

Анатэма. Восстань, земля! Восстань, земля! И препояшься мечом, человек! Не будет мира между тобою и небом, жилищем мрака и смерти становится земля, и князь тьмы

воцаряется над нею – отныне и навсегда. К тебе иду я, Давид. Твою печальную жизнь, как камень из пращи, метну я в гордое небо – и дрогнут основы высоких небес. Раб мой, Давид: твоими устами возведу я правду о судьбе человека. (*Обращается к Некому, ограждающему входы.*) А ты!.. (*Умолкает стыдливо, смущенный безмолвием. Потягивается лениво, как бы от скуки, и бормочет, но настолько громко, чтобы его слышал Некто.*) Впрочем, разве я не гуляю оттого, что мне нечего делать? Был здесь, а теперь пойду туда, – разве мало путей у веселого дьявола, любящего здоровый смех и беззаботную шутку. Шесть... это значит, что я приношу Давиду богатство, которого он не ждал. Восемь... это значит, что Давид Лейзер исцеляет больных и воскрешает мертвых. Двадцать – верно! Это значит... Это значит, что мы с Давидом приходим благодарить, с Давидом Лейзером... Я уйду.

Анатэма удаляется.

Тишина. Безмолвны камни, безмолвны глухие врата, подавляющие землю безмерной тяжестью своею, безмолвен застывший, окаменевший страж. Тишина.

Но не шаги ли Анатэмы разбудили тревожное, гулкое эхо? Раз, два – идет кто-то тяжелый. Раз, два – грузно ступает кто-то тяжелый; шаг один, а идущих много; молчит идущий – а уже дрожит тишина и зыблется безмолвие.

Мгновение звуковой тревоги, бессилия и трепетных порыв-

вов. Сразу загорается безмолвие желтыми высокими огнями: то где-то внизу, в невидимой земной дали меднозвонким, бунтующим криком кричат длинные трубы, которые несут в высоко приподнятых руках: ибо к земле и небу обращен их призывный, мятежный вопль.

Раз, два – теперь уже ясно, что это движется толпа: ее чудовищный голос, ее слитно-раздельные вопли, шумливая и бурная речь; и на низинах ее, в лабиринте ломаных и темных переходов, зарождается первый, отчетливый звук, скорее слово, скорее имя: "Да-а-ви-и-ид". Вычерчивается резче, поднимается выше, и уже над головами плывет оно на крыльях медных воплей, на тяжких ударах переступающих ног.

– Да-а-ви-и-д. Да-а-ви-ид. Да-а-ви-и-д.

Сливается в аккорды. Становится песней миллионов.

Завывают трубы – звоном звенят медные, хрипом хрипят уставшие – зовут.

Слышит ли их Некто, ограждающий входы? Покрылись стенами серые камни – к ногам поднимаются страстные вопли – но неподвижен Страж, но безмолвен Страж, и немые железные врата. Грохочет бездна.

Единым ударом, раскалывающим землю, обрывается рев медный и крик – и из обломков, как ключ из скалы, разбитой молнией, выбивается нежная, певуче-светлая мелодия.

Смолкает.

Безмолвие. Неподвижность. И ожидание – и ожидание.

Занавес

Вторая картина

На юге, летний знойный полдень. Широкая дорога на выезде из большого людного города. Начинаясь от левого угла сцены, дорога наискось пересекает ее и в глубине круто заворачивает вправо. Два высоких, старинной постройки, каменных столба, оббитых и покосившихся, обозначают границу города. По эту сторону городской черты, у правого столба, заброшенная, старая, когда-то желтая караульня, с обвалившейся штукатуркой и наглухо забитыми окнами; по краям же дороги несколько маленьких, сколоченных из дрянного леса лавчонок, отделенных друг от друга узенькими проходами, – в отчаянной, бессильной борьбе за существование лавчонки бестолково налезают одна на другую.

Торгуют они всякою мелочью: леденцами, семечками, дрянною колбасой, селедками; у каждой небольшой грязный прилавок, сквозь который эффектно проходит труба с двумя кранами – из одного течет содовая вода, стакан стоит копейка, из другого – сельтерская. Одна из лавчонок принадлежит Давиду Лейзеру, остальные – греку Пурикесу, молодой еврейке Сонке Цитрон и русскому Ивану Бескрайнему, который, помимо торговли, чинит также обувь и заливает калоши; он же единственный торгует «настоящим боярским» квасом.

Солнце жжет беспощадно, и несколько небольших дере-

вьев со свернувшимися от жары листьями тоскуют о дожде; и безлюдно на пыльной дороге. За столбами, где дорога сворачивает вправо, высокий обрыв – куда-то вниз сбегают пыльные кроны редких деревьев. И, охватывая весь горизонт, дымно-синюю полосу раскинулось море и спит глубоко в зное и солнечном блеске. У своей лавчонки сидит Сура, жена Давида Лейзера, старая еврейка, измученная жизнью. Чинит какие-то лохмотья и скучно переговаривается с другими торговцами.

Сура. Никто не покупает. Никто не пьет содовой воды, никто не покупает семечек и прекрасных леденцов, которые сами тают во рту.

Пурикес (как эхо). Никто не покупает.

Сура. Можно подумать, что все люди умерли только для того, чтобы ничего не покупать. Можно подумать, что во всем мире мы только одни с нашими магазинами – во всем мире только одни.

Пурикес (как эхо). Только одни.

Бескрайний. Солнце сожгло покупателей – одни торговцы остались.

Молчание. Слышен тихий плач Сонки.

Ты, Сонка, купила вчера курицу. Разве ты убила кого-нибудь или ограбила, что можешь покупать кур? И если ты такая богатая и прячешь деньги, то зачем ты торгуешь и мешаешь нам жить? Пурикес (как эхо). Мешаешь нам жить.

Бескрайний. Сонка, я тебя спрашиваю – правда, что ты

вчера купила курицу? Не лги, я знаю это от достоверных людей.

Сонка молчит и плачет.

Сура. Когда еврей покупает курицу, то или еврей болен, или курица больна. У Сонки Цитрон умирает сын; вчера он начал умирать и сегодня кончит – он живучий мальчик и умирает долго.

Бескрайний. Зачем же она пришла сюда, если у нее умирает сын?

Сура. Затем, что нужно торговать.

Пурикес. Нужно торговать.

Сонка плачет.

Сура. Вчера мы не кушали, ждали сегодняшнего дня, и сегодня мы не будем кушать в ожидании, что наступит завтра и принесет нам покупателей и счастье. Счастье! Кто знает, что такое счастье? Все люди равны перед богом, а один торгует на две копейки, другой же на тридцать. И один всегда на тридцать, а другой всегда на две, и никто не знает, за что дается счастье человеку.

Бескрайний. Прежде я торговал на тридцать, а теперь торгую на две.

Прежде у меня не было боярского кваса, теперь же есть боярский квас, а торгую я на две копейки. Счастье переменчиво.

Пурикес. Счастье переменчиво.

Сура. Вчера пришел сын мой Наум и спрашивает: «Мама,

где отец?» И я ему сказала: «Зачем тебе знать, где отец? Давид Лейзер, твой отец, больной и несчастный человек, который скоро должен умереть; и он ходит на берег моря, чтобы в одиночестве беседовать с богом о своей судьбе. Не тревожь отца, он скоро должен умереть, – лучше мне скажи, что хочешь сказать». И так ответил Наум: «Так вот что я говорю тебе, мама, – я начинаю умирать, мама!»

Так ответил Наум. Когда же вернулся Давид Лейзер, мой старый муж, я сказала ему: «Ты все еще тверд в непорочности твоей? Похули бога и умри. Ибо уже начинает умирать сын твой Наум».

Сонка плачет сильнее.

Пурикес (*вдруг озирается испуганно*). А что... А что, если люди совсем перестанут покупать?

Сура (*пугаясь*). Как совсем?

Пурикес (*с возрастающим страхом*). Так, вдруг люди совсем перестанут покупать. Что же нам делать тогда?

Бескрайний (*тревожно*). Как это может быть, чтобы люди совсем перестали покупать? Этого не может быть!

Сура. Этого не может быть.

Пурикес. Нет, может быть! Вдруг все перестанут покупать.

Все охвачены ужасом; даже Сонка перестала плакать и, бледная, озирает испуганными черными глазами пустынную дорогу. Беспощадно жжет солнце.

Вдали, на повороте, показывается Анатэма.

Сура. Покупатель!

Пурикес. Покупатель!

Сонка. Покупатель! (*Снова плачет.*)

Анатэма подходит ближе. На нем, несмотря на жару, черный сюртук из тонкого сукна, черный цилиндр, черные перчатки; только белеет галстук, придавая всему костюму вид торжественности и крайней благопристойности. Он высок ростом и, при седых волосах, строен и прям. Лицо преданного заклитию серовато-смуглого цвета, очертаний строгих и по-своему красивых; когда Анатэма снимает цилиндр, открывается огромный лоб, изрезанный морщинами, и несомерно большая голова с исчерна-седыми вздыбившимися волосами. Столь же уродливой чертою, как и чудовищно большой лоб, является шея Анатэмы:

жилистая и крепкая, она слишком тонка и длинна, и в нервных подергиваниях и изгибах своих носит голову, как тяжесть, делает ее странно-любопытной, беспокойной и опасной.

Сура. Не хотите ли стакан содовой воды, господин? Жара такая, как в аду, и если не пить, то можно умереть от солнечного удара.

Бескрайний. Настоящий боярский квас!

Пурикес. Фиалковая вода! Боже мой, фиалковая вода!

Сура. Содовая, сельтерская!

Бескрайний. Не пейте ее содовой воды, — от ее воды дохнут крысы и тараканы становятся на дыбы.

Сура. Как вам не стыдно, Иван, отбивать покупателя-я же ничего не говорю о вашем боярском квасе, который могут пить только бешеные собаки.

Пурикес (*радостно*). Покупатель! Покупатель! Пожалуйста, ничего не покупайте у меня, мне даже не нужно, чтобы вы у меня покупали, – мне нужно, чтобы я видел вас. Сонка, ты видишь – покупатель!

Сонка. Я не вижу. Я не могу видеть.

Анатэма снимает цилиндр, любезно кланяясь всем.

Анатэма. Благодарю вас. Я с удовольствием выпью стакан содовой воды и, быть может, даже стакан боярского квасу. Но мне хотелось бы знать, где здесь торговля Давида Лейзера?

Сура (*удивленно*). Здесь. Вам нужен Давид-а я его жена, Сура.

Анатэма. Да, госпожа Лейзер, мне нужно видеть Давида, Давида Лейзера.

Сура (*подозрительно*). Вы пришли сказать что-нибудь плохое: у Давида нет друзей, которые носили бы платье из такого тонкого сукна. Тогда уходите лучше – Давида нет, и я не скажу вам, где он.

Анатэма (*сердечно*). О, нет, не беспокойтесь, сударыня: я ничего не принес дурного. Но как приятно видеть такую любовь – вы очень любите вашего мужа, госпожа Лейзер? Вероятно, он очень сильный и здоровый человек и зарабатывает много денег?

Сура (*хмурясь*). Нет, он старый и больной и не может работать. Но он ничем не согрешил ни против бога, ни против людей, и даже враги не посмеют сказать о нем худое. Вот сельтерская вода, господин, она лучше, чем содовая. И если вы не боитесь жары, то, прошу вас, присядьте и подождите немного: Давид скоро придет сюда.

Анатэма (*присаживаясь*). Да, я много хорошего слышал о вашем муже, но я не знал, что он так болезнен и стар. У вас есть дети, госпожа Лейзер?

Сура. Было шестеро, но четверо первых умерли...

Анатэма (*сожалея*). Ай-ай-ай.

Сура. Да, мы плохо жили, господин. И осталось только двое. Сын Наум...

Бескрайний. Бездельник, который притворяется больным и целый день шатается по городу.

Сура. Оставьте, Иван, как вам не стыдно порочить честных людей: Наум ходит затем, что он должен добывать кредит. Потом, господин, у нас есть дочь, и зовут ее Роза. Но, к сожалению, она слишком красива, слишком красива, господин. Счастье, – что такое счастье? Один умирает от оспы, а другому нужна оспа, и нет ее, и лицо чисто, как лепесток.

Анатэма (*притворяясь изумленным*). Почему же вы жалуете об этом?

Красота – дар божий, которым он оделил человека и тем превознес его и приблизил к себе.

Сура. Кто знает? – может быть, дар бога, а может быть,

и кого-нибудь другого, о ком я не стану говорить. Но только я не знаю, зачем человеку красивые глаза – если он должен их прятать; зачем белизна лица – если под копотью и грязью он должен скрывать ее. Слишком опасное сокровище – красота, и легче деньги уберечь от грабителя, нежели красоту от злого.

(Подозрительно.) Не затем ли вы пришли, чтобы видеть Розу? – тогда лучше уходите: Розы здесь нет, и я не скажу вам, где она.

Пурикес. Покупатель, Сура, смотри: пришел покупатель!

Сура. Да, да, Пурикес. Но он не купит того, за чем он пришел, и не найдет того, что ищет.

Анатэма, приятно улыбаясь, с интересом слушает разговор; всякий раз, как кто-нибудь начинает говорить, он вытягивает шею и поворачивает голову к говорящему, держа ее несколько набок. Гримасничает, как актер, выражая то удивление, то скорбь или негодование. Смеется, однако, некстати и этим несколько пугает и удивляет собеседников.

Бескрайний. Напрасно ты дорожишься, Сура, и не продаешь, когда покупают. Всякий товар залеживается и теряет цену.

Сура *(со слезами)*. Какой вы злой, Иван. Я же вам открыла кредит на десять копеек, а вы только и знаете, что поносите нас.

Бескрайний. Не слушайте меня, Сура. Я злой оттого, что голоден.

Господин в черном сюртуке, уходите отсюда: Сура честная женщина и не продаст вам дочери, хотя бы вы предлагали миллион.

Сура (*горячо*). Да, да, Иван, благодарю вас. И кто сказал вам, господин, что наша Роза прекрасна? Это неправда, – не смейтесь, это неправда, она безобразна, как смертный грех. Она грязна, как собака, которая вылезла из трюма угольного парохода; лицо ее изрыто оспою и похоже на поле, где берут глину и песок; и на правом глазу у нее бельмо, большое бельмо, как у старой лошади. Взгляните на ее волосы – они словно свалявшаяся шерсть, наполовину растасканная птицами; и она же ведь горбится при ходьбе, клянусь вам, она горбится при ходьбе. Если вы ее возьмете, над вами все станут смеяться, вас заплюют, вам не дадут покоя уличные мальчишки...

Анатэма (*удивленно*). Но я слышал, госпожа Лейзер...

Сура (*с тоскою*). Вы ничего не слышали. Клянусь, вы ничего не слышали!

Анатэма. Но вы же сами...

Сура (*умоляя*). Разве я что-нибудь сказала? Боже мой, но ведь женщины так болтливы, господин; и они так любят своих детей, что всегда считают их красавцами. Роза – красавица! (*Смеется.*) Вы подумайте, Пурикес, Роза – красавица! (*Смеется.*)

Со стороны города подходит Роза. Волосы ее спутаны, взлохмачены и почти закрывают черные, сверкающие глаза; лицо ее замазано чем-то черным; одета она безобразно. Идет

она поступью стройной и молодой, но, увидя незнакомого господина, начинает горбиться, как старуха.

Вот, вот, Роза, смотрите, господин. Боже мой, как она безобразна:

Давид плачет всякий раз, как видит ее.

Роза (*оскорбляясь безотчетно и выпрямляя стан*). Все же есть женщины хуже меня.

Сура (*убедительно*). Что ты, Роза, нет в мире девушки безобразнее тебя!

(*Шепчет с мольбою.*) Прячь красоту, Роза! Пришел грабитель, Роза, – прячь красоту. Ночью я сама вымою твое лицо, я сама расчешу твои косы, и ты будешь прекрасна, как ангел божий, и мы все станем на колени и будем молиться на тебя. Пришел грабитель, Роза! (*Громко.*) В тебя опять бросали камнями?

Роза (*хрипло*). Да, бросали.

Сура. И собаки накидывались на тебя?

Роза. Да, накидывались.

Сура. Вот видите, господин. Даже собаки!

Анатэма (*любезно*). Да, по-видимому, я ошибся. К сожалению, ваша дочь действительно некрасива, и на нее тяжело смотреть.

Сура. Конечно, есть девушки и хуже ее, но... Ступай, Розочка, туда, возьми работу: что остается делать бедной некрасивой девушке, как не работать. Иди, бедная Розочка, иди.

Роза берет тряпье для чинки и скрывается за лавкою.
Молчание.

Анатэма. Вы давно имеете лавочку, госпожа Лейзер?

Сура (*успокоенная*). Уже тридцать лет, с тех пор как заболел Давид. С ним случилось несчастье: когда он был солдатом, его потоптали лошади и испортили ему грудь.

Анатэма. Разве Давид был солдатом?

Бескрайний (*вмешиваясь*). У Лейзера был старший брат, и был он мерзавец. И звали его Моисей.

Сура (*вздыхая*). И звали его Моисей.

Бескрайний. И когда наступила пора отбывать воинскую повинность, Моисей убежал на итальянском пароходе. И на его место взяли Давида.

Сура (*вздыхая*). Взяли Давида.

Анатэма. Какая несправедливость!

Бескрайний. А разве вы встречали на свете справедливость?

Анатэма. Конечно, встречал. Вы, по-видимому, очень несчастный человек, и вам все представляется в черном свете. Но вы увидите, вы очень скоро увидите, что справедливость существует. (*Развязно.*) Черт возьми, мне нечего делать, и я постоянно гуляю по миру, и ничего я не видел так много, как справедливости. Как вам сказать, госпожа Лейзер? – ее больше на земле, чем блох на хорошей собаке.

Сура (*улыбаясь*). Но если ее так же трудно ловить, как блох...

Бескрайний. И если она кусается, как блохи...

Все смеются. Со стороны города идет измученный шарманщик, полуослепший от пыли и пота. Хочет пройти мимо, но вдруг в отчаянии останавливается и начинает играть что-то ужасное.

Сура. Проходите, пожалуйста, проходите. Нам не нужна музыка.

Шарманщик (*играет*). И мне не нужна музыка.

Сура. Нам нечего подать вам. Проходите.

Шарманщик (*играет*). Тогда я умру под музыку.

Анатэма (*великодушно*). Прошу вас, госпожа Лейзер, дайте ему покушать и воды – я заплачу за все.

Сура. Какой вы добрый человек. Идите, музыкант, кушайте и пейте. Но только за воду я с вас ничего не возьму, пусть вода будет моя.

Шарманщик усаживается и жадно ест.

Анатэма (*любезно*). Давно вы гуляете по миру, музыкант?

Шарманщик (*угрюмо*). Раньше у меня была обезьяна... Музыка и обезьяна.

Обезьяну заели блохи, музыка стала свистеть, а я ищу дерево, где бы повеситься. Вот и все.

Прибегает девочка. Смотрит с любопытством на шарманщика, потом обращается к Сонке.

Девочка. Сонка, Рузя уже умер.

Сонка. Уже?

Девочка. Ну да, умер. Можно мне взять семечек?

Сонка (*закрывая лавку*). Можно. Сура, если придет покупатель, скажите, что я завтра опять буду торговать, а то он подумает, что лавка совсем закрыта. Вы слышали: Рузя умер.

Сура. Уже?

Девочка. Ну да, умер. А музыкант будет играть?

Анатэма шепчется с Сурой и что-то сует ей в руку.

Сура. Сонка, нате вам рубль, видите – рубль?

Бескрайний. Вот оно – счастье! Вчера курица, нынче рубль. Бери, Сонка!

Все с жадностью смотрят на серебряный рубль. Сонка с девочкой уходят.

Сура. Вы очень богаты, господин.

Анатэма (*самодовольно*). Н-да! У меня большая практика – я адвокат.

Сура (*быстро*). У Давида нет долгов.

Анатэма. О, я вовсе не за этим, госпожа Лейзер. Когда вы узнаете меня ближе, то вы увидите, что я только приношу, но не беру, только дарю, но не отнимаю.

Сура (*с некоторым страхом*). Разве вы пришли от бога?

Анатэма. Было бы слишком много чести для меня и для вас, госпожа Лейзер, если б я пришел от бога. Нет, я от себя.

Подходит Наум, с удивлением смотрит на покупателя и устало садится на камень. Это высокий, худой юноша с птичьей грудью и большим, бледным носом.

Озирается.

Наум. Где же Роза?

Сура (*шепотом*). Тише, она там. (*Громко.*) Ну, так как же,

Наум, добыл ты кредит?

Наум (*вяло*). Нет, мама, я не добыл кредита. Я начинаю умирать, мама:

всем жарко, а мне очень холодно; и я потею, но пот у меня холодный. Я встретил Сонку – Рузя уже умер?

Сура. Ты еще поживешь, Наум, ты еще поживешь.

Наум (*вяло*). Да, я еще поживу. Что же не идет отец? Ему уже пора идти.

Сура. Чисти селедку, Роза. Вот этот господин уже давно ждет Давида, а Давида все нет.

Наум. Зачем?

Сура. Не знаю, Наум. Если пришел, значит, нужно.

Молчание.

Наум. Мама, я больше не буду добывать кредит. Я буду с отцом ходить на берег моря. Мне уже настало время спросить бога о моей судьбе.

Сура. Не спрашивай, Наум, не спрашивай.

Наум. Нет, я спрошу его.

Сура (*умоляя*). Не надо, Наум, не спрашивай.

Анатэма. Отчего же, госпожа Лейзер? Разве вы боитесь, что бог ему ответит что-нибудь плохое? Нужно больше веры, госпожа Лейзер, если бы вас слышал Давид, он не одобрил бы ваших слов.

Шарманщик (*поднимая голову*). Это ты, молодой еврей,

хочешь говорить с богом?

Наум. Да, это я. Всякий человек может говорить с богом.

Шарманщик. Ты думаешь? Тогда попроси новую шарманку. Скажи, что эта свистит.

Анатэма (*сочувственно*). Он может добавить, что обезьяну съели блохи – нужна новая обезьяна! (*Смеется.*)

Все с некоторым недоумением смотрят на него, кроме шарманщика, который встает и молча берется за шарманку.

Сура. Ты что хочешь делать, музыкант?

Шарманщик. Я хочу играть.

Сура. Зачем? Нам не нужно музыки.

Шарманщик. Я должен поблагодарить вас за доброту. (*Играет что-то ужасное; шарманка скрипит, обрывает, свистит.*)

Анатэма, подняв мечтательно к небу глаза, отмечает рукою едва уловимый такт и подсвистывает.

Сура. Боже мой, как скверно!

Анатэма. Это, госпожа Лейзер... (*подсвистывает*) называется мировая гармония.

На некоторое время разговор умолкает; слышится только прерывистый вой шарманки да мечтательное посвистывание Анатэмы. Солнце жжет беспощадно.

(*В упоении.*) Мне нечего делать, и я гуляю по миру. (*Увлекается все больше.*)

Внезапно шарманка обрывает хрипло-свистящим звуком, который долго еще звенит в ушах, и Анатэма замирает с под-

нятою рукой.

(В недоумении.) Она у вас всегда так кончает?

Шарманщик. Бывает хуже. Прощайте.

Анатэма *(роясь в жилетном кармане)*. Нет, нет, не уходите так... Вы мне доставили искреннее наслаждение, и я не хочу, чтобы вы удавились. Вот вам мелочь – живите себе.

Сура *(в приятном удивлении)*. Кто бы мог подумать, глядя на ваше лицо, что вы такой веселый и добрый человек.

Анатэма *(польщенный)*. О, не смущайте меня, госпожа Лейзер, вашими похвалами. Отчего же не помочь бедному человеку, который может иначе удавиться. Но не Давид ли Лейзер этот почтенный человек, которого я вижу там? *(Всматривается туда, где дорога заворачивает вправо.)*

Сура *(также взглядываясь)*. Да, это Давид.

Все молча ожидают. На пыльной дороге, из-за поворота, показывается Давид Лейзер, медленно идущий. Он высокого роста, костляв, с длинными седыми кудрями и такую же бородой; на голове высокий, куполообразный черный картуз, в руке посох, которым Давид как бы измеряет дорогу. Смотрит вниз из-под косматых, нависших бровей и так, не поднимая глаз, медленно и серьезно подходит к сидящим и останавливается, опершись обеими руками на посох.

(Вставая, почтительно.) Ты где был, Давид?

Давид *(не поднимая глаз)*. Я был на берегу моря.

Сура. Что ты там делал, Давид?

Давид. Я смотрел на волны, Сура, и спрашивал их: отку-

да пришли они и куда идут? Я думал о жизни, Сура: откуда пришла она и куда она идет?

Сура. Что же сказали волны, Давид?

Давид. Они ничего не сказали. Сура... Они приходят и вновь уходят, и человек на берегу моря напрасно ждет ответ от моря.

Сура. С кем ты разговаривал, Давид?

Давид. Я говорил с богом, Сура. Я спрашивал его о судьбе Давида Лейзера, старого еврея, который скоро должен умереть.

Сура (*с трепетом*). Что же сказал тебе бог?

Давид молчит, потупя глаза.

Наш сын Наум также хочет быть с тобою на берегу моря и спрашивать о своей судьбе.

Давид (*поднимая глаза*). Разве Наум скоро должен умереть?

Наум. Да, отец: я уже начал умирать.

Анатэма. Но позвольте, господа... Зачем говорить о смерти, когда я принес вам жизнь и счастье?

Давид (*поворачивая голову*). Разве вы пришли от бога? Сура, кто он, что может говорить так?

Сура. Я не знаю. Он давно ждет тебя.

Анатэма (*с радостной суетливостью*). Ах, господа, да улыбнитесь же вы!

Одна только минута внимания, и я заставлю всех смеяться! Внимание, господа!

Внимание!

Все с напряженным вниманием смотрят в рот Анатэме.

(Вынимая бумагу, торжественно.) Не вы ли Давид Лейзер, сын Абрама Лейзера?

Давид *(испуганно)*. Ну, я. Но, может быть, есть еще другой Давид Лейзер, я не знаю, – спросите у людей.

Анатэма *(останавливая его жестом)*. Не было ли у вас брата, Моисея Лейзера, который тридцать пять лет тому назад на итальянском пароходе «Фортуна» бежал в Америку?

Все. Да, был.

Давид. Но я не знал, что он в Америке.

Анатэма. Давид Лейзер, ваш брат Моисей – умер!

Молчание.

Давид. Я давно простил его.

Анатэма. И, умирая, все свое состояние, равняющееся двум миллионам долларов *(к окружающим)* – что составляет четыре миллиона рублей – оставил вам, Давид Лейзер.

Проносится какой-то широкий вздох, и все окаменевают.

(Протягивая бумагу.) Вот документ, видите – печать!

Давид *(отталкивая бумагу)*. Нет, не надо, не надо. Вы не от бога! Бог не стал бы так шутить над человеком.

Анатэма *(сердечно)*. Ах, какие тут шутки. Честное слово, правда – четыре миллиона! Позвольте мне первому принести поздравления и горячо пожать вашу честную руку. *(Берет руку Давида и трясет ее.)* Ну-с, госпожа Лейзер, что же вам принес? И что же вы скажете теперь; красива ваша Ро-

за или безобразна? Ага! И станете ли вы умирать теперь, Наум? Ага! *(Со слезами.)* Вот что принес я вам, люди, а теперь позвольте мне отойти... и не мешать... *(Подносит платок к глазам и отходит к стороне, видимо, взволнованный.)*

Сура *(дико)*. Роза!

Роза *(так же дико)*. Что, мама?

Сура. Мой лицо! Мой лицо, Роза! Боже мой, да скорей же, скорей мой лицо! *(Словно помешанная тормошит Розу, моет ее, расплескивая воду дрожжащими руками.)*

Наум схватил отца за руку и почти повис на нем; кажется, что он сию минуту лишится сознания.

Давид. Возьмите бумагу назад. *(Настойчиво.)* Возьмите бумагу назад!

Сура. Ты с ума сошел, Давид. Не слушайте его. Мой, Розочка, мой! Пусть люди увидят твою красоту!

Наум *(хватая бумагу)*. Это наша, отец. Отец, вот чем ответил тебе бог.

Посмотри на мать, посмотри на Розу – на меня посмотри, ведь я уже начал умирать.

Пурикес *(кричит)*. Ай-ай, смотрите, они разорвут бумагу! Ай-ай, скорее берите от них бумагу!

Наум плачет. Блистая красотой, с мокрыми, но уже не закрывающими глаз волосами, становится перед отцом смеющаяся Роза.

Роза. Это я, отец! Это я! Это... я!

Сура *(дико)*. Где ты была. Роза?

Роза. Меня не было, мама! Я родилась, мама!

Сура. Смотри, Давид, смотри: уже родился человек. Ох, да смотрите на нее все! Ох, да раскройте же двери перед зрением вашим, ворота распахните перед глазами – смотрите на нее все!

И вдруг Давид понимает значение случившегося. Сбрасывает с головы картуз, рвет одежду, которая душит его, и, расталкивая всех, бросается к Анатэме.

Давид (*грозно*). Ты зачем это принес?

Анатэма (*кратко*). Но позвольте, господин Лейзер, я только адвокат. Я рад искренне...

Давид. Ты зачем это принес? (*С силою отталкивает Анатэму и, шатаясь, уходит по дороге. Вдруг останавливается, оборачивается назад и кричит, потрясая руками.*) Гоните его – это дьявол. Вы думаете, четыре миллиона рублей он принес? Нет, он принес четыре миллиона оскорблений! Четыре миллиона насмешек он бросил на голову Давида!.. Четыре океана горьких слез пролил я над жизнью, четыремя ветрами земли были мои вздохи, четверых детей моих сожрали голод и болезни, – и теперь, когда я должен умереть, когда я стар и должен умереть, мне приносят четыре миллиона. Вернут ли они мне молодость, которую я провел в лишениях, теснимый скорбями, облаченный печалью, увенчанный тоской? Вернут ли они хоть один день голода моего, хоть одну слезу, павшую на камень, хоть один плевок, брошенный мне в лицо?

Четыре миллиона проклятий – вот что значат твои четыре миллиона рублей!.. О Ханна, о Вениамин и Рафаил, о мой маленький Мойше, вы, мои маленькие. птички, умершие от холода на голых ветвях зимы, – что вы скажете, если ваш отец коснется этих денег? Нет, мне не надо денег. Мне не надо денег, говорю я вам, я, старый еврей, умирающий от голода. Здесь я не вижу бога. Но я пойду к нему, я скажу ему: что ты делаешь с Давидом?.. Я иду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.